

Магия осени

Книга 1

"Из серии: Тайны старой Праги"

Алеся Колединская

12+

Алеся Колединская

Тайны Старой Праги.

Книга первая: Магия осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63946637

SelfPub; 2021

Аннотация

Гид по Праге, Анисья, неожиданно знакомится с привидением маленькой девочки и решает ей помочь. Приключения, которые последовали за этим, а также работа гида и её обратная сторона – вот, что стало наполнением осени для героини книги.

Содержание

На Градчанской площади	4
Сон	12
Власть меняется	19
Рабочий день	25
Она	29
Догадка	43
«Велкопоповицкий Козел»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алеся Колединская

Тайны Старой Праги.

Книга первая: Магия осени

На Градчанской площади

«Уработалась. Уработалась вдрабадан. В стельку, в дымину, в полнейшую зюзю!»

Так я думала о себе, сидя на скамейке в скверике у Пражского Града поздним вечером октября. Какое же это прекрасное время! Осень обняла Прагу своими жёлтыми объятиями. В них тепло и уютно, и никуда не хочется спешить. Запах Осени особый. Аромат земли и влажных листьев проникает в самый центр мыслей, успокаивает и навевает меланхолию. Хорошо так... Спокойно...

Возможно, вы бывали здесь. И, скорее всего, посещали обзорную экскурсию. Такая, как правило, начинается с утра. И это адский кошмар, скажу я вам как гид этого города. Безбрежные потоки туристов у Орлоя, на Карловом мосту и у Пражского Града выматывают так сильно, что хочется взвыть и бежать без оглядки прочь. Прочь от миллионов цепких глаз, чужих голов, громких голосов, какофонии уличных музыкантов, наглых зазывал в питейные заведения, орущих

алко-велосипедов, с улюлюканьем проезжающих по трассе, дурацких матрёшек, ушанок, магнитиков с Прагой, маек с Прагой, чего-нибудь с Прагой, едкого сигаретного дыма путешествующих курильщиков и суеты. Суеты, которая так не к лицу старому городу. День Праги – это черновик. Грязный, с пометками, ложный. Это такая вуаль ненастоящего. Обман, на который Прага идёт специально. Свой наряд она сменит вечером.

Как только сумерки завладеют городом, Прага меняется становится самой собой. Маленькие окошки старинных домиков зажигаются тёплым светом. Им вторят фонари. Масивные, кованые, с замысловатыми завитушками. Их мягкий приглушённый свет манит. Мощёные улочки зовут пройти. Куда? Фонари укажут путь. Время остановилось. Его больше нет. Нет людей. Нет ничего. Есть я и Вечная Прага. Я в ней. А она во мне. Заполнила всё моё сердце и мысли. Я дышу ею и впитываю в себя наслаждаясь.

Это была моя вторая мысль. О Праге. О том, что она властная. Капризная. Чарующая. И магическая. От неё невозможно уйти. Её любишь до беспамятства. Но лишь когда она позволяет это тебе. Вдохновенный безумец готов рыдать от своих чувств, созерцая шпили готических башен, устремлённые в небо, и красные крыши, ковром раскинувшиеся до горизонта. Но лишь наслаждаться Прагой – это жестокий самообман. Это она наслаждается тобой, превращая в свою марионетку. Это Прага забрасывает тебя в различные

жизненные ситуации и с интересом игрока наблюдает, как ты из всего этого будешь выбирать. Своих любимчиков она не оставляет без внимания никогда, приговаривая: «О, а ты и с этим справился, что ли? А ну-ка, вот эту ситуацию попробуй. Интересно, что ты сейчас будешь делать?»

Вот так и живём. Забавляя друг друга. Я люблю её. А она позволяет упиваться своей красотой в обмен на соблюдение правил её игры.

Мысленно предъявляя претензии к Праге, я наблюдала, как вечерний туман молочной дымкой стелется по каменной брусчатке и мокрой траве. Они блестели от влажности. И запах осени стал проникать в мои ноздри. Я вдохнула его полной грудью и закрыла глаза. Потому что я люблю этот запах.

Возможно, я забылась на какое-то время. Ибо, открыв глаза, заметила, что уже совсем темно, туман окутал всё и размыл очертания, превратив свет фонарей в тусклые жёлтые пятна.

...И тут я увидела её. Тёмную тень в жёлтом блике светильника, которую огибают туман. Казалось, это человек. И хоть я не видела его лица, ведь расстояние между нами было внушительное, я чувствовала на себе его пронзительный, даже кричащий взгляд. Он явно посылал мне какие-то мысленные приказы, но я не могла понять их. Он не давал мне сосредоточиться на моём чувстве жалости к самой себе, ведь я устала, я уработалась, мне плохо, и я устала (я, наверное, уже это писала, да?). Что ему нужно? Если хочется насла-

диться вечерней Прагой в одиночестве, пусть идёт в другое место, я сюда пришла первой! Если ему надо что-то спросить – пусть подходит и спрашивает, я не кусаюсь. А если он решил меня убить/ограбить/изнасиловать – пусть только попробует, я сама его расчленю и съем. Потому что я очень устала, уработалась и поэтому очень злая! Очень!!!

Ну?! И чего стоим?!

Тень неясно дёрнулась, словно уловила мою мысль про «съем», и как будто испугалась. Исчезнув на пару секунд в тумане, она появилась снова и махнула мне рукой. Зовёт меня, что ли? Махнула вторично. В этот раз уже нетерпеливее. Ей нужно, чтобы я подошла? Но мне не очень хочется вставать с лавочки.

И тут случилось невероятное. То, от чего моё дыхание сбилось и сердце подпрыгнуло до горла. Тень разлилась в туман. Вот как будто очертания человека превратились в воду и вылились на мостовую. Я не могла поверить своим глазам! Стоял себе кто-то и вдруг, став жидким, разлился. Это разве нормально? Неужели такое может быть?

...Уработалась. А я говорила, нельзя брать три экскурсии в день по три часа в течение трёх дней – шибануться можно. Вот и шибанулась. Поздравляю! И как теперь домой идти, к мужу и детям? Что я им скажу? Я пришёл к тебе с приветом?!

Тёмная жижа на мостовой опять трансформировалась в человека и снова мне помахала. «О, как... – подумал мой мозг и сам себя спросил: – Так что же всё-таки теперь делать?

Идти?» С одной стороны – страшно. Страшно и жутко. Но с другой... Если машет мне – значит, я ему нужна. Видимо, сам подойти не может.

Оговорюсь, что подобные вещи из серии «очевидное – невероятное» в последнее время часто происходили со мной. А также уточню, что я не любитель потустороннего, мистического и аномального. Я люблю, когда всё «перпендикулярно да параллельно» и понятно, по каким законам вести свою жизнедеятельность. То есть привидений в моём мире не существует. И если моей бабушки больше нет, то она никак не может контактировать со мной из загробного мира. Так быть не может! Умерла – так умерла.

Тем не менее, несмотря на мой рационализм и непоколебимую веру в отсутствие аномального, уже полгода как я регулярно сталкиваюсь с необъяснимыми явлениями. Иногда я просыпаюсь от ощущения, что кто-то дует мне в лицо. С близкого расстояния. А когда открываю глаза, естественно, никого нет. «Ну нет – и нет, – думаю я, переворачиваясь на другой бок. – Надо будет мне что-то передать – скажите, напишите или позвоните, а не дуйте. Я всё равно ничего не понимаю от вашего дутья. Со мною надо по старинке – взять и сказать. А так, с дутьём вашим провалили вы свою миссию. Не донесли до меня информацию. А было это в ваших интересах, между прочим».

Бывает, я слышу шаги в пустой квартире. Или как двигаются предметы. Но тогда я обманываю себя, что это проказы

сквозняка. Хотя все окна закрыты. Мне удобно так думать. Я не хочу терять контроль над окружающим миром.

Вечерами в старой Праге на моём тур-маршруте я начинаю испытывать резкие приступы страха. Словно кто-то злобным взглядом сверлит мой затылок. Но профессия «ведущего» обязывает сдерживать эмоции и вещать как ни в чём не бывало. Короче, нельзя мне прилюдно пугаться, чтобы не потерять лицо.

А однажды младший сын с воплем выбежал из своей комнаты. Его напугал какой-то бубák (1). Раньше с ним такого не происходило. Поэтому пришлось зайти в детскую генеральской походкой и, уперев руки в бока, научить сына самому сильному заклинанию против злых духов: «А ну пошли вон, бубаки!!! Чего вы сюда припёрлись?! Ну-ка, уматывайте отсюда, где вы там прописаны! А не то я вас найду и устрою Хиросиму и Нагасаки, мало не покажется!». Воспрянувший духом ребенок больше бубаков не боялся.

...Я решила подойти к тени. Разве неправильно было бы узнать, кто и чего от меня хочет? Может, бояться-то нечего? Опять же – приключенище. Будет потом, чем подружкам похвастаться. Свежая струя, так сказать, в мой томный вечер. В общем, долой догадки, я пошла!

...Звук моих осторожных шагов (всё-таки я отправлялась на встречу с неизведанным) гулко отдавался эхом от нежилых дворцов. Они были прекрасны и величественны. Но

мертвы. В них никто не жил уже много десятилетий. Эдакая мёртвая красота. Чёрные окна, без тёплого света включённых светильников, равнодушно глядели из Домов Без Души.

Когда я приблизилась к тени, она нырнула в сгусток непроницаемого тумана.

– Ну здравствуйте, пожалста! – воскликнула я от досады. – Подошла, как ты просил. Ты же звал? Поэтому выходи, поговорим. А если будешь прятаться и стесняться, как девица на выданье, то я пойду домой. У меня там муж и дети. Ждут, между прочим, мать семейства с работы. Посему давай-ка без реверансов.

И туман вдруг заговорил. Это был странный голос. Словно несколько тихих голосов, слившись воедино, полушёпотом издавали звуки, раздававшиеся в моей голове:

– Освободи меня. Помоги мне. Помоги!

Я, наверное, долго простояла не дыша от странности происходящего, прежде чем спросила:

– А что надо сделать? И кто ты? И где ты?

– Я – Дочь, – еле слышно прошептали голоса, – иди домой. Я всё тебе расскажу.

...И всё. Этот кто-то исчез. Туман снова стал неживым. Обычным природным явлением. Просто капли воды в воздухе. Из него словно испарилась та «душа», которая только что вела со мной беседу. Как будто опустился занавес в конце спектакля, давая зрителям мысленный пинок идти уже восвояси. Покинуть помещение, так сказать. Ну я и пошла.

Теперь уже домой. И снова мои гулкие шаги единственным звуком раздавались в тумане Градчанской площади.

Сон

...Женщина лет тридцати, ссутулившись, сидела на кровати и пристально глядела на фотокарточку, которую держала в руках. На чёрно-белом снимке улыбались трое: она, её муж и их пятилетняя дочь. В тот день она надела лучшую блузку в мелкую полоску, украсив её ажурным лёгким воротничком, который сама связала из тонких белых ниток. Волосы закрутила в высокую причёску, закрепив её сахарной водой (2). Рядом с ней на высоком стуле сидела дочурка, и её тёмное платье украшали вязанные мамой воротничок и манжеты. Считалось, чем ажурнее вязка, чем шире воротник и тоньше нить – тем ценнее и красивее рукоделие. А уж она-то была мастерица! Её руки, словно бабочки, порхали над клубком шёлковых ниток, и из-под спиц, как по волшебству, являлось на свет филигранное чудо, тонкое и лёгкое, как узорчатая дымка.

Во всей осанке мужа на фотокарточке читалась гордость за то, что у него есть семья и за великую миссию отца, которую на него возложили. Его наряд – военный китель. Он шёл на фронт. Умирать за императора. «Вернусь до осени», – сказал он, целуя жену и дочь на прощание. Но все ещё не вернулся. И вестей от него тоже не было никаких.

Вдруг в комнату вошла девочка. Она нарушила вязкую тишину, которая наполнила воздух грустью. «Мама, мне холод-

но и страшно», – тоненьким голоском сказала она и подошла к женщине. Они обнялись и долго сидели на кровати, глядя в окно на сгущающиеся синие сумерки.

* * *

Холод с каждым днём всё больше давал о себе знать. Злой ноябрь бездушно вступил в свои права. Золотая Осень, приняв поражение, должна была отступить. Разруха чувствовала в скудности жёлтых листьев, рванными манжетами прикрывающих голые ветки деревьев. Деревья тянули свои скрюченные чёрные пальцы в небо, будто моля оставить их в живых. Но нет. Таков уж ход жизни. Умирать надо. Чтобы родиться снова. Умереть, чтобы родиться – такой вот бесконечный цикл.

...Женщины, жившие без мужчин, оставленные мужьями ради войны, вдруг столкнулись с рядом проблем, которые необходимо было решить. Деньги заканчивались, нужно было заготовить на зиму уголь, чтобы топить печки-буржуйки, запасы еды быстро таяли, необходима была зимняя одежда и обувь детям, которые за год выросли и не влезали в старое.

Поэтому мама решилась устроиться на работу. Сперва в её мысленном списке ведущее место занимала должность лаборантки или переписчицы в архиве, достойная замужней дамы. Однако, совершенно истоптав и без того тонкие по-

дошвы летних туфель и в очередной раз получив отказ, она поняла – сейчас в таких работницах страна не нуждается. Потом пришла очередь другой профессии, на которую она мысленно согласилась, – чистильщица ламп. Но и эти места были заняты теми женщинами, которые отважились на работу раньше, чем она.

Следующие несколько суток холода и голода вытолкнули её из дома в поисках работы довольно неженской – теперь она готова была стать рабочей на фабрике: таскать тяжеленные вёдра с углём, весь день стоять у раскалённой печи, изнывая от липкой жары и боли спине. Маленькая дочурка, болевшая уже несколько дней, постоянно дрожала от озноба и ночами прижималась к матери, чтобы согреться. Нужен был уголь. Нужны были для этого деньги. В займы не давали ни то, ни другое. Самим нужно было. Ведь идёт война, которая к осени не закончилась.

И фабрика приняла её в свои жёсткие объятия. Впереди замаячила надежда, что в семье появятся деньги. Пусть в пока не полной семье, но ведь война закончится, и муж вернётся. А с деньгами появится уголь, который вернёт в дом тепло, и еда. Пусть картошка, пусть хлеб, но так много, чтобы можно будет наесться вдоволь и доченьку накормить. Тогда малышка выздоровеет, и её милое личико вновь засияет улыбкой. И может, они вместе снова будут вышивать наволочки, тихонько сидя рядом у жаркой растопленной печи. Она будет учить её замысловатым узорам и просить не торо-

питься, ведь именно из-за спешки узоры получаются кривыми и неаккуратными. И малышка будет прилежно прокалывать белоснежную ткань иголкой с алой нитью, выводя детской ручкой нежный рисунок. А потом они вместе поужинают чем-нибудь вкусным. Может, это будет пряный гуляш с кнедликами или ароматная утка с капустой. И вечером она уложит дочурку спать в её тёплую постель, укроет мягким одеялом и будет петь ей колыбельную, пока детских ресничек не коснётся сон. А потом, когда она выйдет из спальни в прихожую, вдруг увидит то, о чём мечтала уже полгода, – тихо вошедшего в дом мужа. Такого любимого и очень статного в своём военном кителе. Он будет улыбаться виноватой улыбкой, а она, не сдержав крик радости, бросится ему на шею и обнимет так крепко, чтобы никогда уже не отпустить своё счастье из рук.

Работать приходилось долго и тяжело. Вставать засветло и выходить в жуткую холодную темноту, которая мгновенно хватала тело в крепкий ледяной кулак. Грузить уголь и, надрываясь, волоочь тяжёлые вёдра. Бросать уголь в топку, не разгибая спины. Мыть и оттирать чёрную грязь. На голод не оставалось времени. Но он, конечно, никуда не пропадал и выедал организм изнутри. Она исхудала и осунулась. Но дочь – вот что беспокоило особенно. Высокая температура не проходила уже много дней. Малышка не ела и редко пила. А присмотреть за ней было некому. Мама оставляла её одну и упрашивала Бога, чтобы чай и неистовые молитвы ис-

целили её ребёнка. Но дочь болела. Мама сшила ей куклу из старой одежды. Она получилась странной, но девочка не выпускала её из рук. Спала с ней, прижимая к груди, и детское сердечко билось, чувствуя мамину любовь, словно исходящую из куклы.

Мама регулярно стояла перед дилеммой – идти на работу или остаться с больной дочерью. Душа рвалась к ребёнку, которому не становилось лучше. Казалось, нужно всего лишь быть с дочкой, обнять её и сидеть так долго-долго, и болезнь отступит. Душа кричала, что надо делать именно так. Но мозг задавал каверзные вопросы: «Но откуда же ты возьмёшь деньги на врача и лекарства? Девочке надо кушать, а у тебя нет денег на еду. У тебя ни на что нет денег. А они тебе нужны. Тебе нужна работа. Иди. Только за деньги ты сможешь вылечить её. Ради неё же... иди». И мама уходила. Уходила, оставляя болезнь, жар и слабость терзать это маленькое тельце. В то время как слёзы, муки совести, голод и усталость от работы, которая была бы тяжела даже для нескольких мужчин, рвали на части её душу. «Скоро, скоро всё изменится. Станет лучше. Всё будет хорошо. Надо только выдержать», – убеждала себя мама.

А девочка всё ждала. Ждала долго. Ждала, пока утренние сумерки не сменит светлое небо, а потом пока оно снова не погрузится во тьму. Именно тогда возвращалась мама. Такая любимая! Вместе с ней в дом входили радость и свет. Нет, не свет от лампочки, а свет божественный, что ли. От него ста-

новилося тепло на серце і хотелось выздороветь. І пускай це щастя быть с мамой длилось всего только час, но ради этого часа счастья девочка жила. Это был смысл её жизни – дожить до мамы.

Хорошо, что рядом всегда была кукла. Она помогала ей вздохами мерить минуты, которые складывались в часы ожидания. На куклу можно было смотреть, по миллиметрам изучать её полотняную кожу и узоры на платье. Можно было посчитать тесёмочные волосы или заплести их в косу, а потом снова распустить. Вскоре девочка придумала разговаривать с куклой. И тогда дни пролетали быстрее и интереснее. Сперва она представляла куклу героиней знакомых ей сказок. Но потом ей навсегда была присвоена роль самой девочки – Даринки. А девочка стала «мамой» – такая теперь у неё была функция. И жизнь поменялась. Когда дом покидала мама настоящая, в неё превращалась Даринка, а Даринкой становилась кукла. Ненастоящая мама заботилась о ненастоящей дочке, рассказывала ей сказки, учила шить, считать и читать молитву про Ангела Хранителя:

...Ангелочек, мой защитник,

Охраняй ты мою душу,

Охраняй и днём, и ночью.

От беды и сил недобрых

Душу, тело сбереги,

Ангелок, мой покровитель.

Однажды дом встретил пустотой. Холодное тельце дочур-

ки лежало на кровати. И к груди её была прижата мамина кукла. Девочка умерла. И сердце мамы провалилось куда-то вниз.

Она не помнила, как дожила остаток жизни. Больше ничего не имело значения. Кажется, она всё время сидела на кровати, где умерла дочурка, прижимая к груди, как и она, тряпичную куклу и глядя в окно, на синие сумерки. Только сказку рассказывать уже было некому.

Власть меняется

Я проснулась в слезах.

Сон! Это был сон!

В память впечатался образ девочки с косичкой. Она глядит в окно и прижимает к себе куклу. Не держит, а именно прижимает к сердцу.

Внутри бушевали эмоции. Так нелепо исковерканные жизни! Абсолютно зря! Любовь, преданная Жадностью и Грубой Силой. Ведь разве хотел отец покинуть семью? Разве по своей воле ушёл он убивать, чтобы в итоге погибнуть? А мама? Ведь она ЛЮБИЛА! Любила дом, семью, мужа и ребёнка. Они были счастливы, но их разлучили. Обстоятельства заставили её бросить дочь. Она сделала неправильный выбор. Хотя был ли он? А девочка? Чистейшая душа, умеющая только любить, зачем растоптали её? Власть и Деньги сделали своё чёрное дело. Любовь проиграла.

Почему вообще мне приснился этот сон?! Я никогда не думала о Первой мировой войне. Да и не о какой войне. Уж слишком эмоционально проношу сквозь себя горе и несправедливость, слёзы и лишения.

Бедный ребёнок. Бедная девочка...

И всё же какая-то навязчивая мысль пыталась пробиться в сознание среди вороха чувств, обуревавших меня.

...Стоп! А не связаны ли последние события между со-

бой? Ведь тень в тумане явно сказала: «Дочь». Может, поэтому мне приснился такой сон? Возможно, она таким образом сообщила мне свою историю? Она, что, – та дочь? Получается, она – душа той девочки? Это та девочка?!

Какое-то время я провела в сумбурных мыслях из категории «этого не может быть». Этого не может быть, потому что мне всегда говорили, что этого не может быть. Подобного со мной не случилось, и именно поэтому случиться не может никогда. Всё это ненормально, а значит – такого быть не может. Случаться могут только привычные ситуации, а непривычные – не могут. А если они всё-таки случаются, то... То что?

Наступил ступор, который требовал принятия решения: что мне теперь делать и как жить со всем этим дальше?

Я погоняла мысль по всем лабиринтам возможных исходов ситуации, выбрала оптимальный маршрут и подошла к зеркалу в ванной. Зеркало – это прекрасный способ самоубеждения. Самый лучший! Потому что эффективный. И вот, глядя себе в глаза твёрдым и убедительным взглядом, я отчеканила новую установку тоном, не терпящим возражений.

Да. Случилось. Это факт. Самая упрямая в мире вещь. У меня есть два исхода: либо я бегаю по психушкам, церквям и шарлатанам с просьбой изгнать нечистого и лишить меня странного воспоминания. Первые выпишут много таблеток, а вторые и третьи выдают денег. Возможно, я даже смогу убе-

дить себя в том, что аномалии не было.

... До следующей аномалии.

И что потом?

Либо я принимаю новые обстоятельства и начинаю жить в новом мире. Отныне есть привидения, души усопших, ангелы и демоны, марсиане и зелёные человечки, которые до этого встречались мне только в кино. Они будут появляться в моей жизни, но я не буду их бояться. Черепа, ввалившиеся глаза, зелёный цвет кожи – это не страшно. Бояться этого меня убедили в прошлой жизни. А прошлой жизни больше нет. Власть меняется. Началась другая жизнь. Жизнь с «ними».

А почему, действительно, нужно бояться полуразложившегося трупа, с белёсыми глазами, клыками, редкими седыми волосами, прилепленными на черепушку, который с шипением приближается к тебе дёргающейся походкой? Вот в «прошлой жизни» я бы подумала, что раз человек так выглядит – значит, мёртв, причём давно, и идти он никак не может. **НО ВЕДЬ ОН ИДЁТ!!!** И невозможность сконнектить эти два аргумента взломали бы все мои установки! Ну и всё, взрыв мозга, вопли, паника, и – «дурка».

Теперь же, после смены установок, я буду думать так: раз идёт – значит, не совсем умер. Да, походка неординарная. Но ведь на скелете мало мышц, это же видно невооружённым глазом. А что заставляет наши кости двигаться? Вспоминаем школьную программу. Правильно – мышцы. И ес-

ли с мышцами всё плохо, как видно, то и на походке, естественно, сей факт будет сказываться. Глаза белёсые, и чем он смотрит? С пединститута помню – феномен называется «компенсация», когда при недоразвитии одного из органов его функции заменяют другие органы собственной гипердеятельностью. Например, у слепых намного сильнее развит слух, чем у зрячих.

Может, чувак не видит нормально, но слышит, как громко бьётся моё сердце, и идёт на звук? А может, у него тепловизор включается «духовным оком»? А вон, у губоководных рыб с глазами вообще беда, и ничего, ориентируются ведь. В других рыб не врезаются, даже еду себе как-то находят. Поэтому поди знай, как оно у чувака со зрением организовано. Да мне и не надо знать. Просто есть такой факт – чувак каким-то образом видит.

Дальше – кожа местами отсутствует, местами – зелёная. Ну и ладно. Про цвет кожи во всём мире давно говорят – пережиток прошлого на него ориентироваться, чтобы делать выводы о человеке. У нас у всех разная кожа. У некоторых и прожилки видны, красненькие, синенькие там... А у кого-то поры такого диаметра, что в них палец поместится. Поэтому, если равняться на идеал, то под него не подошёл бы ни один человек в мире. А этот, значит, полужелёный. Ну что ж... Ну вот так, значит.

Клыки? С прикусом всё плохо было с детства, как объяснили бы дантисты. А у родителей по какой-то причине не

было времени заниматься ребёнком. Может, они много работали, и у них совершенно не было времени? А может, у них в деревне не было дантиста? Я, конечно, не знаю, из деревни ли он, но проблема явно на лице. Или, скорее, на лице.

Шипит человек? Опять же, стоит глянуть в область гортани – а гортани-то и нет. Нет её. И звуку, соответственно, исходить физически неоткуда. Может, у него и шипение-то еле получается, может, человек все силы напряг, чтобы донести мне какую-то важную информацию. А информация важная, судя по тому, что, несмотря на трудности в передвижении и звукопроизношении, человек всё равно заморочился, преодолел все свои препятствия и пошёл ко мне. Ему, поди, трудно, больно и плохо, но нет, он, как настоящий молодец, идёт, ковыляет ко мне и издалека уже что-то шипит. Доносит, так сказать, до меня весть. Понять бы что...

О! Можно дать ему ручку и бумажку – пусть напишет!

...Тут я прервала полёт своей фантазии, потому как надо было идти доспать ещё пару часов до подъёма. «Пока есть время, чего б не поспать?» – спросила я себя, глядя всё в то же зеркало, как вдруг сбоку промелькнула тень. Я заметила её в отражении краем глаза. Вздвогнув от неожиданности, я обернулась. И никого, разумеется, не увидела. Но остро чувствовала взгляд, прожигающий темечко. Тогда я сказала в пустоту, зеркалу, имажинарному привидению или никому: «Не смей меня пугать, мне страшно и неприятно». И, набравшись наглости, добавила: «И вообще... Если ты при-

шла за мной (заметь, не я за тобой ходила), тебе, скорее всего, что-то от меня надо. Так вот, я, может, и помогла бы. Но такие пугалки меня пугают. А в твоих интересах меня к себе расположить. Посему подобные выкрутасы, пожалуйста, прекрати. Не то останешься у разбитого корыта».

Рабочий день

День начался как обычно. Группа туристов сверлила меня оценивающим взглядом, а я стояла перед ними, словно на сцене. Они – мои зрители. И я, уверенная в успехе, начала свой «спектакль одного актёра». Радужная улыбка, блеск в глазах, бьющая через край энергия в каждом жесте и слове. Немного шуток, простые фразы, эмоциональная речь – вот мои инструменты. Расплачиваться за это придётся вечером, когда полностью растроченная энергия даст о себе знать. Вот тогда и начнут мерещиться тени и души усопших. Но ведь это к вечеру? А сейчас надо работать и своими рассказами влюбить туристов в Прагу.

«...В поисках хорошей земли, которая могла бы стать им домом, брели люди, уставшие и измученные. Взирались на холмы, продирались сквозь густые заросли лесов, преодолевали реки, которые так и норовили утянуть в страшную глубину кого-нибудь из них. Первым шёл предводитель – статный мужчина, умудрённый возрастом и опытом. Он шёл вперёд, не сгибаясь, словно ему была ведома цель. Он уводил свой народ оттуда, где раньше был дом. Уводил от беды. Не было больше прежнего дома. Был только путь вперёд. Где-то там, за горизонтом, за жадными до смерти реками и лесами, их ждал новый дом, новая жизнь, без страха и в изобилии. Женщины на спинах несли своих детей, мужчины – скарб.

Было тяжело. Очень тяжело. Но не роптали, упрямо шли за своим вождём, веря ему. И вот, преодолев последний холм, измождённый старец остановился. Глянул с высоты на вольготные просторы и в грёзах узрел богатство люда своего: достаток рыбы и дичи, щедрость полей и благосклонность Перуна-громовержца.

"Здесь будет жить мой народ", – сказал праотец Чех и устало сел на землю.

С тех пор прошло много времени. Боги были благосклонны. Не скупясь, делился своими дарами Велес: выгонял стада животных прямо туда, где промышляли охотники. Дажьбог полными пригоршнями раздавал благодатное солнце травам и зерну, не пересушивая их. Мудрая Мокошь дарила здоровых и сильных детей. Но ничего нет вечного под луной. Отвернулись люди от богов своих, разломали их статуи, разорили святилища, надругались над верой своих пращуров. Вот и кончилась их власть на земле. Перестали боги помогать людям, уж не ратовали за достаток своих подопечных. У стихий больше не было хозяев, и поэтому невозможно было ими управлять. Дожди, которые шли не к сроку, заморозки, солнцепёк разоряли поселения.

Но появилась новая вера в нового Бога – чужестранцы принесли её и укоренили на новой земле. И склоняли люди головы, принимая её в своё сердце. Бог совсем не хотел, но во имя Него совершались преступления, кровь поила землю чешскую. Зависть и жажда наживы завладели человече-

скими умами, стремление к власти и богатству поселилось в душах правителей. Вот и стала жизнь совершенно другой. Войны всё чаще разоряющим вихрем проносились по стране, унося жизни, сжигая дома и опустошая города.

Спасение пришло издалека. Взяли землю праотца Чеха под своё крылышко чужеземцы. И жизнь потекла по равному руслу. Каменные крепости вырастали повсеместно, чтобы оборонять людей от людей. Защищая себя, облачаться стали в железо. Вместо плугов и топоров стали делать клинки и мечи, готовясь дать отпор, если это понадобится. В страхе жили люди жизни свои. Чтобы не напали враги. Чтобы болезнь безразличной косой не скосила семью. Чтобы пожар не обрушил смертоносный кулак на обиталище. Чтобы воду не отравили. Чтобы корова не померла. Чтобы урожай вырос. Чтобы Бог понял правильно каждый шаг, который помогал преодолевать эти страхи. Ведь Он всё видит, тут же судит, безапелляционно, и молча выносит Свой приговор, как правило, страшный и необратимый.

А чтобы доказать Ему свою любовь, взяли люди оружие в руки свои и столкнулись в очень долгой войне, чтобы решить, кто же правильнее в Него верит. Брат убивал брата, и сын поднимал нож на отца. И снова кровь лилась во имя Бога.

– Люди, одумайтесь! – раздавались иногда чьи-то одинокие вскрики.

– Нет! Нам без них будет лучше, они неправильно верят! –

отвечали тысячи злобных голосов.

– Разве этого хотели наши пращуры? Остановитесь! С нами или без них урожай сам не вырастет, дождь может залить поля, и солнце выжжет нашу землю, – одинокий голос срывался, взывая к разуму.

– Нет! – упрямо повторяли "правильные". – Исчезнут "неправильные", а с ними и всё "неправильное". Рай воцарится на земле, не будет больше зла, только хорошее, – и яростью отравленные взгляды устремлялись на говорящего.

Вместе с долгой войной пришла невидимая беда – "чёрная болезнь". Она забирала в земные недра всех, одного за другим. Смерть, хаос, разруха – вот, что царило на земле, выстраданной праотцом Чехом.

Но и это прошло. Как и всё проходит. Воцарился мир наконец, на веки вечные, во всей Богемии. Забыли люди свои печали, стали жить-поживать, желая здоровья и долгих лет своему Императору. Те, что побогаче, занимали свои умы прелестями жизни. А те, что победнее, – жили, работали, женились, плодили детей. Радость ступила на землю чешскую, пришли мир и спокойствие. Всё так же случались хлебобродные и бесхлебные годы. Всё так же народ возносил хвалу Богу или протягивал руки в мольбе. Всё так же боялись, любили всей душой, трудились от утренней зорьки до густой синевы, куда выплывал из-за горизонта серебряный серп месяца.

До новой беды».

Она

Всё! Выдохлась. Всё тело болит. От недостатка энергии, наверное. Я всё отдала людям. «Сгорела на работе» – могли бы написать в некрологе, если бы я сейчас померла. «Выгорела до окурочка». Дурочка...

Припасено у меня пару местечек в Праге, где можно укрыться от всех, посидеть в тишине среди старины, ни о чём не думать, созерцая красоту вокруг себя. И, несмотря на усталость, я обожаю моменты, когда принадлежу сама себе. В этот раз я решила побродить в одиночестве по улочкам Старого Города и добрести до костёла святого Гаштала, что как раз за Анежским монастырём, там бы я могла сесть на скамеечку и подумать обо всём.

Я шла по вечерним переулкам, где тусклые фонари вырывали из темноты шар пространства и заполняли его тёплой желтизной. Камни мостовой под ногами блестели от влажности, всё-таки у осени своё амплуа. И от света фонарей их цвет тоже казался жёлтым. «Дорога, вымощенная жёлтым кирпичом». Она вела меня вперёд, манила завернуть за серые стены старых домов, идти куда-то, где что-то меня ждало. Куда и что – было загадкой только для меня. Прага прекрасно знала, где и зачем я ей сейчас нужна.

Вдруг шум повседневной жизни исчез. Как будто разом убавили громкость какой-то кнопкой. Отдалённый шум ма-

шин и голоса людей внезапно пропали. Я заметила это, и мне стало не по себе. Звуковой вакуум сказался и на фонарях. Один за другим они стали гаснуть. После короткого потрескивания и помигивания фонари поочерёдно потухли, и улица погрузилась во тьму. Липкий холод пробежал по спине, и дыхание остановилось. «Этого не может быть», – в очередной раз подумала я и сглотнула. Страх сковал меня.

Не веря своим глазам, я увидела, как нечто чёрное бурлящей массой направилось ко мне с конца улицы. Чернота приближалась, клубилась, переливалась в различные обтекаемые формы и, не дойдя до меня пары «шагов», вдруг перешла на стены и стала по ним расползаться. Всё погрузилось в черноту – и я, и дома, окружавшие меня. Она стала заползать в глаза и нос, я не могла дышать, то ли от неё, то ли от ужаса происходящего. В черноте кто-то завыл. Страшно. Заунывно. Как-будто сумасшедший кричал о своей боли. Звук стал приближаться ко мне. Ноги онемели. Мелкая дрожь трясла тело, набатом отдаваясь в голове вопросом «Что мне делать теперь? Что мне делать?».

Неожиданно что-то рвануло меня за рукав и с неистовой силой потянуло вперёд. Прямо в черноту. От неё удушливый ком в горле сдавил дыхание, тошнило и хотелось выбраться отсюда. Жуткий голос. проплыл мимо меня совсем близко и остался за спиной. Я не видела его, но ощутила прикосновение чего-то ужасного. Не было видно ничего, чёрный туман оградил от меня мир. Что-то не давало идти, и, как в болоте

или в сугробе, я переставляла ноги, влекомая вперёд за рукав невидимой силой.

...И враз всё кончилось. Я оказалась на площади перед Гашталом, где пражский вечер имел привычные рамки: горят фонари и окна домов, давая понять, что вокруг меня есть люди. Кстати, и их голоса стали слышны. Откуда-то сбоку, из бара, доносился гогот туристов. «Англичане, – резюмировала я, – они всегда веселятся громко». Где-то вдаль, проезжая по рельсам, прогремел старый трамвай. Чернота за моей спиной, исчезла, развеялась, не оставив и следа, словно и не было ничего. Я шумно выдохнула и присела на ближайшую скамейку.

Вдруг, словно вспышка, в голове раздался детский голос:
– Не пугайся, это я спасла тебя.

Я взвизгнула и подпрыгнула от неожиданности. Огляделась вокруг, но никого не увидела.

– Ты? – растерянно ответила я, крутя головой в разные стороны, – А кто ты? Я не вижу тебя.

– Я – Дарина. Душа, застрявшая в мире живых. Это мою историю ты видела ночью.

Я всё ещё не видела собеседницу, но слышала голос:

– Ты должна мне помочь. Вот поэтому я тебя сейчас спасла.

– Помочь? Но я не вижу тебя! Где ты?!

Раздался печальный вздох:

– У меня больше нет тела. Я – призрак.

– Призрак... – сдавленно повторила я, – Тот, из тумана? Или какой-то новый?

Неясное светлое облачко выскользнуло из-за моей спины, покачалось в воздухе, облетело вокруг меня и «присело» на скамейку.

– Из тумана. – пояснило оно, – Я – призрак девочки, о которой ты видела сон. Меня зовут Дарина.

«Ей-богу, ведь уже который раз объясняют, а я всё понять никак не могу! Сколько можно?! Соберись, Анисья!» – строгим тоном учителя обратилась я к себе.

– Что ж... Рада встрече. – мой голос звучал без энтузиазма. – Говоришь, ты спасла меня? А от чего?

– От «чёрных» душ.

– От кого?! Это кто такие?

Призрак замешкался, видимо, не зная, с чего начать, а потом изрёк:

– Выслушай меня. – Дарина сделала паузу, дав понять, что рассказ будет длинным. – Мир живых – не единственный. В него попадают для того, чтобы жить и стать счастливым. Каждая жизнь начинается с чистого листа, как подарок или наказание. И она всегда кончается. Это нужно для того, чтобы осознать совершённые ошибки и исправить их в следующей жизни.

– То есть, – меня осенила догадка, – с нами происходит реинкарнация? Смерть, получается, как перезагрузка, что-ли?

– Так и есть – умирают, чтобы родиться вновь. Конечно, младенец не помнит о прошлой жизни, но у души уже есть установки.

– Так, стоп, стоп! – я замахала руками. – Не понимаю. Вот ты говоришь, что можно исправить ошибки прошлой жизни в жизни следующей. Но человек этих ошибок не помнит....

– Это мозг не помнит! Вернее, не знает – ведь это новое тело, новый мозг. А вот душа – помнит. – эту фразу она нарочито подчеркнула, – Поэтому крайне важно слушать внутренний голос. Он говорит правду, направляет по пути, выбранным душой ещё до рождения, исходя из опыта прошлой жизни.

Потом её голос приобрёл поучающие нотки:

– Душа – часть своеобразного Эфира, он же «мир всех душ» – так, наверное, понятнее. Эфир – это энергия жизни.

– И откуда берётся эта энергия?

– Она была всегда. И будет. Помнишь, в школе – закон сохранения массы и энергии? Ничто никуда не девается, оно циркулирует, меняя форму и обличие.

– Ага, точно. Наш физик извёлся весь, пока объяснил, что во что переходит и как меняется.

– В общем, с душой происходит то же самое. Она бессмертна. Душа обитает в живом человеке, после этого переходит в эфир – место скопления душ, и оттуда – в нового человека, который собирается родиться, находясь ещё во чреве матери.

– Ах, вот по каким этапам мотается душа? – я усмехнулась, представляя себе бесконечные процессы перетекания душ из одного состояния в другое. Интересно, а это у всех живых существ? Или только у людей? Не возникает ли у них там, в Эфире очередей? Нас ведь так много...

– А сейчас я скажу тебе самое главное. – на несколько секунд Дарина замолчала, – Есть ещё одна прослойка между миром живых и Эфиром – это междупространство. – снова пауза. – Туда попадают души, которые привязаны к миру живых сильным чувством – любовью, ненавистью или обидой.

– То есть, если сильно в кого-то влюбиться, то можно застрять в... Как ты сказала? «Предбаннике»?

– В междупространстве. – голос прозвучал обиженно. – Каждый из нас хоть раз в жизни испытывает обиду, слепою любовь или жгучую ненависть. И чувство это настолько сильно, что не даёт покоя ни днём, ни ночью. Оно становится навязчивой идеей. Хочется отомстить оскорбителю, вернуть любимого или любимую. И даже смерть порой не дарит вожделенный покой. Душа, не получившая сатисфакции при жизни, застревает в междупространстве на целые века!

– Что же она там делает? – я опять перебила Дарину.

– Мстит. Плачет. Пугает. Желая лишь одного – избавиться от своей боли, наказать ДРУГИХ за свою обиду, заставляя живых страдать так, как страдала при жизни она, тем самым принуждая искупить вину настоящих обидчиков, чьи души уже канули в лету.

– Значит, привидения не всегда мстят именно своим обидчикам? А тем, кто попадает под руку, так? Как-то не честно!

– Их тоже «не честно» заставили страдать. И ты не можешь со мной не согласиться.

– Бывает всякое... Ты намекаешь, что у вас «там» собрались все злые?

– Вовсе нет. Среди «застрявших» есть безобидные, даже добрые. Они не причиняют вреда, иногда даже помогают. Сколько случаев было! Но о них позже. И есть злые, «чёрные» души, которые могут быть опасны! Дело в том, что они питаются страхом.

– Как это?

– Пугают живых самыми сильными их страхами. И когда тело бьёт мелкая дрожь, а по спине бежит холодок – душа отдаёт часть своей энергии, которой и питаются Чёрные.

– А-а-а... Вон оно как... – протянула я, – благодарю за «лайфхак», обещаю – отныне не бояться. Ха-ха.

В ответ послышался натянутый смех:

– Пытаться не бояться? Убеждать себя, что это нормально и не страшно? Они всё равно найдут чем испугать! Это их «профессьон де фуа», принцип существования. В этом они профессионалы, не одну собаку съели. И чем сильнее человек сопротивляется – тем страшнее и ужаснее их действия.

– Что же тогда делать? Креститься? Молиться? Чертыхаться?

– Не попадаться им на глаза. – повисло непродолжительное молчание. – Не дать им себя обнаружить. Никогда. Единжды попавшись в их сети – не вернуться в прежнюю спокойную жизнь.

Я погрузилась в размышления. Светлая тень Дарины опустилась на скамейку. Следующие слова прозвучали полушёпотом:

– Ты обнаружила себя. Ты настолько «топорно» и неумело вошла в наш мир, что, если бы Чёрные умели смеяться, они смеялись бы в голос, стоя аплодируя твоей наивности.

– А как так-то? – от возмущения мой голос завибрировал, – я же ничегошеньки не делала, дýхов не вызывала и на кладбища ночами не ходила. Пентаграмм не рисовала и дьяволу не поклонялась!

– Ты пришла в туман тогда вечером.

– Потому, что ты позвала меня! – громко уточнила я, сделав акцент на слове «ты».

– Да, я звала. Но я не знала, что ты придёшь. Это был выстрел наудачу. Я много лет прошу помощи у живых, но они всегда боятся и уходят! Я отчаялась уже давным-давно, но всё равно продолжала взывать о помощи!

Я нервно вскочила со скамейки. Привидение заметалось около меня.

– Ты серьёзно сейчас?! То есть, ты меня попросту подставила?! – я сорвалась на крик.

Она заискивающе залебезила:

– Я и не надеялась, что кто-то откликнется! Если бы я знала – то подготовилась бы: нашла время и место, где мы были бы только вдвоём. Без присутствия других душ межпространства и, главное, без Чёрных.

– И Чёрные там были?!

– Ну разумеется!

Совсем некстати из-за угла вынырнули люди. Несколько молодых парней, громко смеясь и перебрасываясь шутками прошли мимо моей лавочки и скрылись в «Виноградском пивоваре». Этот ресторан открылся совсем недавно и туда стекались любители нефilterованного пива.

За этих пару минут злость на Дарину успела поутихнуть.

– Вы что, там все вместе, что ли? Вы, белые и пушистые, их не боитесь?!

– А чего их бояться? К нам они равнодушны, считают нас слабыми. Вы, живые, позволь заметить, тоже живёте бок о бок с людьми злыми: теми, кто обижает, бьёт, использует свою власть во зло. Надсмотрщики в тюрьме вон тоже совсем рядом ходят с убийцами и преступниками. И ничего. Всем места хватает. В моём мире тоже такой «винегрет». Сосуществуем...

– То есть, если я правильно поняла, у меня теперь всё плохо? – вывод напросился сам собой. – Я, дурья башка, решила пробраться в эпицентр вас всех, в этот дурацкий туман, чем сама лично, пусть и по незнанию, поставила на себе «чёрную метку», и буду находиться «под прицелом» и ныне, и прис-

но, и вовеки веков? Так?

– Погоди, не кипятись. Теперь у тебя есть я, и я буду тебя защищать. До тех пор, пока ты будешь выполнять моё задание. Ты же поможешь мне?

Голос Дарины звучал вкрадчиво. А меня обуяло негодование.

– ??? Это похоже на «без меня меня женили». А может, я несогласная?

– В общем, у тебя два пути.

Призрак девочки перестал колыхаться в воздухе и неподвижно застыл перед моим лицом:

– Или ты мне помогаешь, или отказываешься. Но отказываешься и от моего покровительства в том числе. Чёрные о тебе знают, ты ещё «свеженькая», энергии в тебе пока много, и они с удовольствием набросятся на тебя, как на скатерть-самобранку! В итоге ты всё равно обратишься за помощью к Белым. Я, разумеется, откликнусь. Помогу на МОИХ условиях: я помогаю тебе – ты помогаешь мне. Минус этого варианта – мы теряем время, а ты – ещё и энергию.

В этом был резон. Я похлопала глазами, чувствуя себя загнанной в угол. Ох, как мне не нравится это состояние! Безобразие какое-то! И как вообще ребёнок её возраста, пусть даже и в виде привидения, способен на такие хитроумные манёвры? Школа у них там что-ли, в загробном мире, с математическим уклоном?

Однако пусть расскажет всё до конца. Тогда я смогу разо-

браться что к чему.

– Шах и мат. Хорошо. Молодец. Аплодисменты. Занавес. Что тебе нужно и в чём заключается моя помощь?

Наверное, Тень победно улыбнулась. Хотя видеть этого я никак не могла, но почувствовала совершенно точно.

– Слушай.

Призрак поёрзал на лавочке, будто усаживаясь поудобнее. А я превратилась в слух.

– Я была девочкой. Моим миром были мама и папа. Я очень любила их. Папа был воплощением «сильной» любви, способной защитить от всего: от грозы, злых мальчишек, от ночных кошмаров. Мама – воплощение любви «доброй», которая наполняла мою жизнь смыслом. Мы вместе гуляли к старой часовенке у пруда, кормили уток, когда было тепло. Вдвоём рисовали и вышивали. Она учила меня делать куклы из всего, что было под рукой. Мы вместе готовили ужины и ждали, когда вернётся с работы папа и наша семья будет в сборе. Вечерами мы смотрели в окно на тёмную улицу, на яркие звёзды, на луну, которая то кру́гом, то острым серпом светила на небе. Она рассказывала мне сказки и гладила по голове, пока я не засыпала.

Но пришла война. Которую начал наш Хозяин, но не мы. И почему-то мой папа, совершенно того не желая, должен был бросить нас. Он покинул мой мир. Проломил в нём брешь и вероломно ушёл, оставив после себя дыру в моём сердце. Оно болело и ныло. Но мне говорили, что так надо.

Кому надо? Зачем надо?! Я так и не смогла этого понять. «Надо» было им, а ушёл он из МОЕГО мира!

Я слышала горький вздох. Тень смолкла. Может, собиралась с мыслями?

– Потом ушла мама. Но, в отличие от папы, она всегда по вечерам возвращалась. И целый день, пока её не было, я ждала. Ждать – это не значит ничего не делать. Ждать – это ежесекундно до боли думать о ней, физически желая ощутить её тепло рядом. Я умоляла её не бросать меня. Но она уходила. И так изо дня в день. Слишком много дней! Моих слёз от тоски она не видела. Потому что её не было рядом. Вторую дыру в моём мире сделала мама. И от сердца не осталось почти ничего.

Голос её дрогнул. Ей было тяжело говорить, но она продолжила.

– Она сшила для меня куклу. И всю свою любовь я отдала ей. Когда мамы не было дома, я прижимала куклу к сердцу, придумывая, что это не кукла, а моя мама. Я говорила с ней, как с мамой. Но она не отвечала мне. И не обнимала, как мама.

А однажды я проснулась мёртвой. Но не смогла попасть в мир всех душ, чтобы снова родиться. Обида на всё человечество клокотала во мне и не пускала в Эфир. За что так обошлись со мной? Почему не дали жить счастливо, с моими мамой и папой? Ведь это всё, чего я желала!

Голос девочки сорвался от бурлящих эмоций.

Потом она тихо добавила:

– Мне не нужны были чужие государства или чьё-то богатство. Я просто хотела жить со своими родителями обычной жизнью. Тяжёлым камнем обида придавила мою душу, и я осталась в междупространстве. А ещё со мной там оказалась кукла. Это к ней привязалась моя душа прочными нитями любви, которая предназначалась маме. И до сих пор моя душа прикреплена к кукле.

Девочка снова вздохнула. Неужели привидения дышат? Или это привычка – так выражать свои страдания?

– Чтобы попасть в Эфир и получить возможность снова родиться, нужно избавиться от двух вещей – обиды и куклы.

От обиды меня избавило целое столетие раздумий. Я поняла, что воевать – это нормально. Люди любят воевать, а еще – убивать друг друга. Такими нас создала Природа. Мы жестоки, и даём этой жестокости волю, придумываем разные предлоги, чтобы убить, отобрать, поработить и обидеть. Так устроен человек.

Я набрала в рот воздуха, чтобы возразить на такое категоричное заверение, но Дарина не дала мне этой возможности.

– С этим ничего нельзя поделать. И я, и моя семья, просто попали под раздачу. Оказались не в то время не в том месте. Так тоже бывает. Никакого естественного отбора в таких ситуациях нет. Кто попал – тому не повезло. Вот и вся арифметика. Я поняла, что бороться с ситуацией бесполезно. Она сильнее меня. Она сильнее нас всех. Есть как есть.

Правил бытия не изменить. Ведь всё равно, не смотря ни на что, можно быть счастливым! Любить и дарить любовь!

Внезапно её личико оказалось перед моим взором. Огромные глаза лучились добротой и счастьем. Откуда это взялось в её взгляде сейчас? Ведь грустила только что!

– И знаешь, я простила! Простила всё человечество! И я готова жить новую жизнь, как бы она ни сложилась! В ней я буду наслаждаться каждой минутой, тратя её только на светлое чувство – любовь. Теперь я готова!

И снова вздох. На этот раз радостный. Потом тон её голоса стал более рассудительным.

– Но кукла меня держит здесь. И пока будет она – буду и я. В междупространстве. Ты должна найти её и уничтожить. И когда куклы не станет – я вернусь в Эфир.

Теперь наступила моя очередь говорить.

– Окей, – я пожала плечами, – уничтожить – так уничтожить. Невелика работёнка. Говори, где кукла, я пошла уничтожать.

Молчание разлилось в воздухе. А потом последовал ответ, который я совсем не хотела услышать:

– Я не знаю, где она.

Догадка

– Слушай, а может, ты вспомнишь, где видела её в последний раз? Может, она осталась у тебя дома? Так и лежит себе в тумбочке, например. Где, кстати, был твой дом?

Своё утро нового дня я начала с этих вопросов Дарине. Я не видела её, точнее, эту белую тень, в которую она превратилась. И расчёсывая длинные волосы, глядела в зеркало, думая, что она меня точно слышит. И да, не ошиблась.

– Полетели на Малу Страну? – вдруг что-то сказало у меня в голове, – я покажу тебе свой дом. Хотя, собственно, что это я? Ты же пока не умеешь летать... Потому что ты ещё живая. Да... Незадача... Что же делать тогда?

– Мы можем туда ПОЙТИ.

– Ты пойдёшь, а я – полечу. Знаешь, где там монастырский сад?

Недоумённо посмотрев в зеркало, я мысленно стала перебирать сады Малой Страны: «Сад Кампа, если, конечно, можно назвать садом этот сквер. Как и в саду, там зелено. Трава и деревья. Но в садах, как правило, растут деревья фруктовые. А НЕ фруктовые – составляющая ПАРКА. Поэтому Кампа – это парк, скорее всего, а не сад. Но слово "сад" было сказано девочкой-призраком, и, вполне вероятно, она могла отождествить эти два понятия зелёных зон».

– Анисья, это не Кампа, – назвала меня девочка по име-

ни. – Это сад. В нём растут яблоки, груши, разбит пруд и живут павлины. Там раньше обитали монахини-кармелитки, так говорила моя мама. А потом там расположилась школа благородных девиц. Но это место всё равно продолжали называть монастырём по старой памяти. А сад – монастырским. Там рядом – мой дом.

– Пруд, павлины и фруктовые деревья есть в двух садах Малой Страны. Это сады Вальдштейнский и Воянов. Но груши с яблоками растут только во втором из них. А ещё там стоят замечательные лавочки, присев на которые можно любоваться шпилями Пражского Града в совершенном одиночестве и тишине. Ибо народ массово в это место не ходит. Не могут отыскать сей оазис зелени, безмолвия и спокойствия в наших каменных джунглях. И монастырь там, кстати, был когда-то.

– Вот и чудненько. Воянов – так Воянов. Давай-ка туда отправимся и поищем мою куклу. Заодно и домой наведаемся.

– Давай-ка... Только после работы. Я сейчас на экскурсию убегаяю.

«Велкопоповицкий Козел»

День у меня выдался совершенно пивной. Желая прикоснуться к истокам пивоварения, мои туристы решили навестить знаменитую чешскую пивоварню «Велкопоповицкий Козел». Пиво, к слову сказать, роскошное! Выше всяких похвал! И наблюдая, как, игриво переливаясь всеми оттенками жёлтого, этот чудесный напиток наполняет бокал, конечно, хочется узнать: а как же получается столь божественный нектар? Поэтому едем на пивзавод. Узнавать.

У всех туристов, видевших эмблему одного пива, неизменно возникает вопрос – почему Козел? Отвечаю. Козёл – животное многогранное.

Во-первых, оно красиво. Своим видом козёл вскружил голову даже богам Олимпа (в своё время). Вот и посчитали они модным внедрить в свою внешность что-нибудь козлиное. У кого копытца вместо ножек, у кого рожки на голове, а кто и половину тела себе козлиную сообразил. Да что ж далеко ходить? Вон, привычный нам чёрт из сказок тоже в рожках и козлиной шкуре копытами семенит, недоброе замышляет. И людишки туда же! На Масленицу козлами рядятся и в весёлых конкурсах участвуют.

Во-вторых, в сказках козёл – вообще регулярный персонаж. Сестрица Алёнушка, пытаясь воспрепятствовать употреблению жидкости из неизвестных источников, братцу

своему наказывала: «Не пей, козлёночком станешь». У Козлихи тоже было семеро козлят, которых в середине сказки подкачало слуховое восприятие. А китайцы это благороднейшее животное даже знаком зодиака сделали.

В-третьих, у селян козёл был символом урожайности. Скосив к осени все зерновые, случайно оставшиеся в поле несколько колосков называли «козлиная борода».

А как козёл возвышен своей внутренней организацией! Присущая ему целеустремлённость зачастую называлась завистниками козлиным упрямством, но мы-то с вами знаем, что под этим определением маскируются волевые черты характера и упорное желание следовать поставленной задаче.

Вот и подумали аборигены Велких Поповиц: «Козёл – это хорошо», точнее, «ХОРОШЕЧНО» (3). И назвали свою пивоварню «Велкопоповицкий Козёл». Куда, собственно, мы и поехали, дабы ознакомиться с теорией производства и попрактиковаться в способности различать сорта «козлиного» пива методом дегустации.

Происходит этот процесс в сводчатом подземелье, где и зреет прошлое, настоящее и будущее этой страны. То бишь – пиво. Процесс, собственно, до смешного прост: солод – это ячмень, намоченный, проращённый, высушенный и перемолотый, варят в воде, к нему добавляют хмель, снова варят, охлаждают, добавляют дрожжи. Дрожжи живут в этой жидкости дней семь, изменяя её. И среда их обитания от бурного процесса жизнедеятельности изрядно видоизменяется.

Поверхность напитка покрывается грязно-белой пеной, она шипит, дышит, переваливается через край кадки. Но пугаться, оказывается, этой метаморфозы не надо, а надо, наоборот, радоваться – дрожжи ведут себя так, как им и положено. Они превращают сахар в алкоголь. Дождавшись нужного количества градусов, с дрожжами прощаются. Очистив брагу от взвеси, её выливают в большую ёмкость, где она зреет ещё тридцать дней. Долёживает, так сказать. Набирает полноту вкуса.

Так вот, прямо здесь, в месте рождения пива, можно его попробовать – холодное, ароматное, вкусное. И смачный глоток обжигает нутро ледяным потоком хмеля и солода. Ай да пиво! Ай да хорошо! Вот оно, счастье, – ликуют вкусовые рецепторы и желудок. И просят – ещё, ещё, дай нам ещё!

Лица дегустирующих проясняются, на них появляются филантропические улыбки. Мозг впадает в эйфорию, хочется всех любить, главное – жизнь. Эх, красота!

Пошли дальше.

Далее – разливочный цех. Змеевидный конвейер везёт бутылочки тёмного цвета через «душ», «сушилку» и «смотрилку» – это такой электронный глаз, который осматривает тару на предмет повреждения. Потом ровненьким строем, словно рота солдат, бутылки проезжают наполнитель, и снова электронный глаз придирчиво осматривает, правильно ли наполнена каждая из них. И если он одобрительно кивнёт, то железная рука наденет на бутылочку шапочку в виде крышки и

этикетку. И весёлою гурьбой готовые бутылки занимают места в ящике. Интересное зрелище. Создаётся ощущение, что бутылки живут какой-то своей, очень организованной жизнью. Стеклянными эшелонами они бойко отправляются за тридевять земель, в тридесятые царства и государства. Ибо нет на земле места, где бы не слышали о «Велкопоповицком Козле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.